

Козлова Дарья Алексеевна Студентка 3 курса, ИБЖ СПбУ ГПС МЧС России, Россия, г. Санкт -Петербург,

Жмакин Владимир Владимирович Студент 3 курса, ИБЖ СПбУ ГПС МЧС России, Россия, г. Санкт-Петербург

Научный руководитель: Часовникова Ольга Георгиевна – доцент кафедры уголовного права и процесса, Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург;

СТАТУС ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА ПРИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМОМ И ОБВИНЯЕМОМ

Аннотация

Исследуется уголовно-процессуальный статус педагога и психолога при проведении следственных действий в отношении несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. Цель статьи состоит в выявлении такой модели статуса, которая позволяла бы разграничить их общую связь с фигурой специалиста и специальную гарантийную функцию в делах несовершеннолетних. Методологическую основу составили системное толкование норм главы 50 УПК РФ, сопоставление их с общими положениями о специалисте, защитнике и законном представителе, а также анализ современных научных подходов. Обосновывается, что действующее регулирование непоследовательно связывает обязательность участия педагога или психолога преимущественно с допросом, хотя необходимость соответствующей гарантии определяется не названием следственного действия, а его коммуникативной и психотравмирующей нагрузкой. Сделан вывод, что педагог и психолог должны рассматриваться как специальные участники следственного действия, привлекаемые по правилам специалиста, но выполняющие самостоятельную

гарантийно-коммуникативную функцию. Показано различие критериев выбора между педагогом и психологом и предложены направления корректировки ст. 424 и 425 УПК РФ. Научная новизна статьи состоит в реконструкции двойственной природы их статуса и в формулировании модели, связывающей основания привлечения с характером процессуального риска.

Annotation

The article examines the criminal procedural status of a teacher and a psychologist involved in investigative actions concerning a juvenile suspect or accused person. Its aim is to identify a model of status that distinguishes their general connection with the procedural figure of the specialist from their special safeguarding function in juvenile proceedings. The study relies on systemic interpretation of Chapter 50 of the Russian Code of Criminal Procedure, comparison with the general rules on specialists, defence counsel, and legal representatives, and analysis of recent academic literature. The article argues that current regulation links mandatory participation of a teacher or psychologist mainly to interrogation, although the need for this safeguard depends not on the formal name of the investigative action but on its communicative intensity and potential psychological impact. It is concluded that both figures should be treated as special participants in an investigative action: they are invited under the rules governing specialists, yet perform an autonomous guarantee-based communicative function. The paper also differentiates the criteria for choosing between a teacher and a psychologist and proposes targeted amendments to Articles 424 and 425 of the Code.

Ключевые слова

уголовно-процессуальный статус; педагог; психолог; несовершеннолетний подозреваемый; несовершеннолетний обвиняемый; следственные действия; допрос; специалист; гарантии прав несовершеннолетнего

Keywords

criminal procedural status; teacher; psychologist; juvenile suspect; juvenile accused person; investigative actions; interrogation; specialist; safeguards of minors' rights

Уголовно-процессуальные гарантии по делам о преступлениях несовершеннолетних обычно описываются через обязательное участие защитника и законного представителя, тогда как фигуры педагога и психолога остаются более неопределенными. Между тем именно через их участие законодатель пытается в следственное действие учесть возрастной незрелости, особенностей восприятия и эмоциональной реакции несовершеннолетнего. Р. М. Аширбакиев (2023 г.) связывает проблему не с частной неточностью ст. 425 УПК РФ, а с недостаточной проработанностью самого нормативного регулирования участия педагога и психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого [3, с. 391]. Поэтому спор идет не о факультативном сопровождении следствия, а о процессуальной форме получения показаний в ситуации повышенного риска и для прав несовершеннолетнего, и для достоверности доказательства.

Научная проблема состоит в том, что действующее регулирование одновременно предполагает участие педагога и психолога как гарантию и не закрепляет их статус в объеме, позволяющем однозначно определить основания привлечения, пределы участия и критерии выбора между ними. Л. В. Савельева (2021 г.) обоснованно указывает, что правила участия педагога и психолога не должны ставиться в зависимость от процессуального статуса несовершеннолетнего; эта позиция выявляет более общий дефект действующей модели: гарантия, связанная с возрастом и психическим развитием лица, в законе привязана к отдельным видам участников и действий непоследовательно [11, с. 289].

Предмет настоящего исследования образует уголовно-процессуальный статус педагога и психолога при проведении следственных действий в отношении несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. Цель статьи состоит в выявлении такого понимания статуса, которое позволило бы определить границу между их общей и специальной функцией и объяснить, почему ограничение обязательного участия главным образом допросом не

полностью соответствует назначению соответствующей гарантии. Методологически работа построена на системном толковании норм главы 50 УПК РФ, сопоставлении общих положений о специалисте с правилами о производстве следственных действий в отношении несовершеннолетних, а также на сравнении научных подходов. С. В. Тетюев (2024 г.), сопоставляя российскую и молдавскую модели, показывает, что проблема затрагивает само место педагога и психолога среди участников процесса [14, с. 63]. В этой точке и формируется исследовательская задача статьи: реконструировать процессуальную логику их участия и предложить более точную модель статуса.

УПК РФ не помещает педагога и психолога в самостоятельную главу об участниках процесса, хотя прямо использует эти фигуры в нормах главы 50. Пункт 62 ст. 5 УПК РФ закрепляет легальное определение педагога, ст. 58 УПК РФ — общую фигуру специалиста, ст. 71 УПК РФ — основания его отвода, а ст. 168 УПК РФ — порядок привлечения специалиста к следственному действию. Одновременно чч. 1, 3–6 ст. 425 УПК РФ специально регулируют допрос несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, устанавливая условия обязательного участия педагога или психолога, продолжительность допроса и право участвующего лица с разрешения следователя задавать вопросы [1]. Уже на уровне текста закона видна двойственность статуса: педагог и психолог включены в процессуальную форму, но механизм их допуска выводится из общей модели специалиста.

Эта двойственность особенно заметна, если читать ст. 425 УПК РФ вместе со ст. 424 и 426 УПК РФ. По смыслу ст. 424 производство следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого должно осуществляться с учетом специальных гарантий главы 50, а ст. 426 УПК РФ закрепляет участие законного представителя. Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 дополнительно подчеркивает необходимость полного соблюдения предусмотренных законом гарантий несовершеннолетнего на всех стадиях процесса [16]. Следовательно, педагог и психолог не могут рассматриваться как удобное дополнение к допросу: их

участие соотносено с общей логикой специальных гарантий. А. Ю. Гужина (2025 г.) справедливо исходит из того, что допрос несовершеннолетнего обвиняемого образует собственный проблемный узел и требует отдельной конкретизации законодательства; именно в допросе наиболее явно проявляется недостаточность нынешней формулы статуса [7, с. 159].

При этом взаимосвязь специальной гарантии с другими участниками требует более точного описания, чем это принято в текущей практике. Статья 48 УПК РФ формирует исходное представление о законных представителях несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, а ст. 426 УПК РФ переводит это положение в специальный режим главы 50. [15]. Из такой связи видно, что педагог и психолог не подменяют законного представителя: последний выражает и защищает интерес несовершеннолетнего как близкое ему лицо, тогда как педагог или психолог обеспечивает корректность самой процессуальной коммуникации и снижает риск получения формально допустимых, но искаженных показаний. Отделение этих функций необходимо и для того, чтобы фигура педагога или психолога не смешивалась в общей массе лиц, сопровождающих несовершеннолетнего.

Противоречие норм соответствующих правил проявляется тогда, когда необходимость участия педагога или психолога ограничивается преимущественно рамками допроса. Часть 1 ст. 191 УПК РФ и ст. 280 УПК РФ допускают более развернутую модель участия таких лиц при работе с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями, тогда как ч. 3 ст. 425 УПК РФ применительно к подозреваемому и обвиняемому связывает обязательность прежде всего с допросом. Е. А. Белоусова, П. В. Павлова (2026 г.) показывают эту несогласованность прямо: возрастные и психофизические особенности несовершеннолетнего влияют на надежность доказательственной информации не только при допросе, но и в иных процессуальных ситуациях [5, с. 229]. Отсюда вытекает более узкий вывод: закон неправильно выбрал критерий ограничения гарантии, привязав ее к виду действия, а не к риску искаженного восприятия,

коммуникационного срыва или усиленного психотравмирующего воздействия на несовершеннолетнего.

Если исходить только из общего определения специалиста, педагог и психолог оказываются лицами, содействующими следователю применением специальных знаний. Но ст. 425 УПК РФ наделяет их не только функцией консультации: участие педагога или психолога должно обеспечивать такую процессуальную среду, при которой несовершеннолетний способен понимать вопросы и давать показания без избыточного давления. В. С. Ганага, В. Ю. Стельмах (2024 г.) поэтому вполне обоснованно связывают центральную проблему с отсутствием специализированной нормы о статусе педагога: когда его положение реконструируется из отдельных статей, где в правоприменении смешиваются техническая помощь следствию и гарантийное сопровождение уязвимого участника [6, с. 354].

Из этого не следует, что педагог и психолог должны быть выведены за пределы института специалиста полностью. Статьи 58, 71 и 168 УПК РФ продолжают выполнять для них опорную функцию: через них определяются общие требования к компетентности, отсутствие заинтересованности, процедура вызова и предупреждение об ответственности. Но специальные правила ст. 425 УПК РФ придают их участию дополнительное качество. Они допущены к коммуникации с несовершеннолетним не ради извлечения информации из материальных объектов, а ради поддержания допустимого режима взаимодействия между публичной властью и лицом, которое в силу возраста или психического состояния не способно в равной мере противостоять процессуальному давлению. Поэтому их статус следует описывать как отдельную разновидность специалиста с гарантийной функцией, а не как простого помощника следователя.

Такое понимание позволяет точнее распределить права и пределы участия. К. В. Канева, Т. А. Тарасова, М. Ф. Устинов (2024 г.) акцентируют внимание на пробелах в определении статуса, места и условий участия педагога и психолога, включая права, обязанности и критерии допуска [9]. Из сочетания ст. 58, 71, 168

и 425 УПК РФ можно вывести как минимум четыре элемента статуса: наличие специальных знаний или профессиональной компетентности, процессуальную независимость, право задавать вопросы с разрешения следователя, право знакомиться с протоколом в части произведенного действия и делать замечания. Но закон почти не раскрывает, какие именно действия обязан совершать педагог или психолог в ходе следственного действия и может ли он возражать против тактики допроса, которая формально не нарушает УПК РФ, но очевидно не учитывает возрастные особенности допрашиваемого. Пока эти элементы не конкретизированы, гарантийная функция остается зависимой от усмотрения следователя.

Наличие в законе двух фигур не может быть объяснено и обоснованно, лишь исходя из нормативных актов. Если бы различие между педагогом и психологом не имело правового значения, законодатель ограничился бы одним общим обозначением. О. В. Кажанец (2021 г.) убеждает в том, что участие психолога при допросе несовершеннолетнего связано прежде всего с задачей охраны психологического здоровья и обеспечения объективности показаний, причем при психическом расстройстве или отставании в психическом развитии аргумент в пользу именно психолога усиливается [8, с. 358]. Это соотносится и с ч. 3 ст. 425 УПК РФ, прямо указывающей на обязательное участие психолога в названных случаях. Следовательно, разграничение должно строиться не по формальной должности приглашенного лица, а по характеру риска, который подлежит нейтрализации в конкретном следственном действии.

Но из этой точки зрения невозможно выделить противоречивый критерий — признание педагога, которого всегда можно заменить психологом. Л. Т. Салиндер (2023 г.) подчеркивает, что законодательство прямо не разграничивает случаи обязательного участия педагога и психолога, хотя при психическом расстройстве либо отставании в развитии более обоснованным выглядит участие психолога [12, с. 241]. Этот тезис не отменяет потребности в педагоге там, где ключевой проблемой выступают возрастные особенности понимания вопросов, школьная и социальная адаптация, особенности речевого контакта, а не клинико-

психологическая диагностика состояния. Педагог в уголовном процессе нужен не как носитель абстрактной воспитательной функции, а как лицо, способное преобразовать коммуникацию следователя с несовершеннолетним в форму, доступную по уровню развития и жизненного опыта конкретного подростка.

Допрос является минимальной необходимостью, вокруг которой законодатель обозначил специальные гарантии. Но именно здесь становится заметно, что формальное присутствие педагога или психолога не тождественно полноценной реализации их функции. В. Н. Рогачева, И. С. Кожич (2022 г.) обращают внимание на организационные и тактические ошибки, возникающие при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, и связывают их с психической незрелостью допрашиваемого [10, с. 455]. Нарушение может возникнуть не только при отсутствии педагога или психолога как таковых, но и тогда, когда привлеченное лицо не влияет на способ постановки вопросов, темп общения, длительность эпизодов допроса и реакцию следователя на признаки утомления или непонимания вопросов. Гарантия превращается в формальность, если следственное действие проводится по взрослому шаблону, а педагог или психолог присутствует лишь для подписания протокола.

Именно поэтому чч. 1, 3–6 ст. 425 УПК РФ следует читать в системной связи не только с положениями о правах соответствующего участника, но и с ограничениями продолжительности допроса. Закон исходит из того, что возрастные особенности несовершеннолетнего влияют на сам режим следственного действия. А. В. Батурина (2024 г.) подчеркивает, что закон не устанавливает конкретного перечня обстоятельств, при которых требуется участие педагога и психолога, вследствие чего возрастает зона следовательского усмотрения; одновременно результативность допроса зависит от тактики, учета возрастно-психологических особенностей и комфортной обстановки [4, с. 9]. Для уголовно-процессуальной оценки это означает следующее: обязательность участия педагога или психолога должна определяться не только формальными порогами возраста, но и тем, создает ли конкретное действие ситуацию взаимопонимания участников при диалоге.

Слабое место действующей формы закона состоит в том, что ст. 424 УПК РФ говорит о производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего в целом, но не распространяет специальные правила об участии педагога и психолога на другие действия столь же ясно, как это сделано в ст. 425 УПК РФ для допроса. Е. С. Алтухова (2025 г.) связывает необходимость пересмотра подходов к следственным действиям с участием несовершеннолетних с более активным учетом достижений юридической психологии, педагогики и криминологии [2, с. 51]. В процессуальном измерении такой вывод означает не расширение гарантии со стороны государства без предела, а лишь смену ориентира: вместо закрытого перечисления отдельных случаев должна быть введена конструкция, позволяющая привлекать педагога или психолога всякий раз, когда следственное действие по своей коммуникации, а также психотравмирующей нагрузке сопоставимо с допросом или содержит элементы, способные существенно повлиять на волевое и речевое восприятие произошедшего несовершеннолетним.

С. А. Стогова (2025 г.) обращает внимание не только на неопределенность процедуры привлечения, но и на практические трудности выбора подходящего лица, включая вопрос об эмоциональной связи педагога с несовершеннолетним и о расширении участия таких лиц за пределы собственно допроса [13, с. 1]. Эти замечания позволяют уточнить, что для уголовно-процессуального статуса недостаточно лишь указать профессию участника. Требуются, по меньшей мере, три дополнительных фильтра: профессиональная пригодность именно к задачам уголовного процесса, отсутствие зависимости, которая может исказить содержание коммуникации, способность адресно реагировать на признаки непонимания, внушаемости, эмоционального срыва или усталости несовершеннолетнего.

Отсюда может быть предложена следующая конструкция. Педагог и психолог — это специальные участники следственного действия, процессуально включенные в форму получения и проверки доказательственной информации в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого,

привлекаемые по правилам специалиста, но выполняющие самостоятельную гарантийно-коммуникативную функцию. Их задача заключается не в замещении защитника, чье участие обеспечивается ст. 51 УПК РФ, и не в дублировании законного представителя по ст. 426 УПК РФ, а в снижении риска искажения волеизъявления и содержания показаний вследствие возрастных, психических и коммуникативных особенностей несовершеннолетнего. Именно такое понимание согласуется и с предметом доказывания по делам несовершеннолетних, закрепленным в ст. 421 УПК РФ: обстоятельства, связанные с условиями жизни и воспитания, уровнем психического развития и влиянием старших лиц, невозможно качественно учитывать в процессе, если лицо, обеспечивающее коммуникацию с несовершеннолетним, наделено неопределенным статусом.

Практическое исполнение этой модели может быть дано без выхода за общую логику УПК РФ. Во-первых, целесообразно прямо закрепить специальную норму о педагоге и психологе как участниках следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, не разрывая при этом связи с общими правилами о специалисте. Во-вторых, ч. 3 ст. 425 УПК РФ нуждается в уточнении критериев выбора между педагогом и психологом: возраст сам по себе не исчерпывает вопрос, если имеются данные о психическом расстройстве, отставании в развитии либо иной выраженной психологической уязвимости. В-третьих, ст. 424 УПК РФ следует дополнить правилом, допускающим обязательное участие педагога или психолога и при иных следственных действиях, когда характер действия по уровню коммуникативного и психологического риска требует аналогичной гарантии. Эти предложения не превращают педагога и психолога в универсальных регуляторов следствия; они лишь придают правовую определенность функции, которую действующий закон уже фактически предполагает, но описывает неполно.

Проведенный анализ показывает, что уголовно-процессуальный статус педагога и психолога при проведении следственных действий в отношении

несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого не может быть описан ни как чисто техническая разновидность участия специалиста, ни как самостоятельное представительство интересов несовершеннолетнего. Закон использует обе фигуры как требуемые гарантии правдивой и нейтральной коммуникации в ситуации процессуальной уязвимости несовершеннолетнего, но не доводит эту логику до четкого определения статуса, оснований привлечения и критериев выбора между педагогом и психологом.

Основополагающее нарушение действующей модели состоит в том, что специальная гарантия связывается главным образом с допросом и лишь фрагментарно — с иными следственными действиями, хотя риск искажения показаний и процессуального давления определяется не названием действия как таковым, а его коммуникативной и психологической нагрузкой. Отсюда вытекает и основной результат исследования: педагог и психолог должны рассматриваться как специальные участники следственного действия, привлекаемые по правилам специалиста, но выполняющие особую гарантийно-коммуникативную функцию. Педагог приоритетен там, где требуется адаптация процессуального общения к возрасту и уровню развития несовершеннолетнего; психолог — там, где доминирует риск психической дестабилизации, внушаемости либо искажения восприятия вследствие особенностей развития.

Практическая значимость такого подхода состоит в том, что он позволяет точнее определить направления корректировки главы 50 УПК РФ без разрушения ее системной связи с общими нормами о специалисте, защитнике и законном представителе. Ограничение настоящего исследования связано с тем, что в его рамках анализ сосредоточен на нормативной конструкции и научной полемике без обращения к общей судебной практике. Дальнейшая разработка темы целесообразна в части критериев оценки фактического нарушения, возникающего при неправильном выборе между педагогом и психологом либо при формальном характере их участия.

Список используемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Алтухова Е. С. Необходимость пересмотра подходов к производству следственных действий с участием несовершеннолетних // Молодой ученый. – 2025. – № 13 (564). – С. 51–55.
3. Аширбакиев Р. М. Участие педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого: проблемы нормативного регулирования // Вопросы российской юстиции. – 2023. – Вып. 27. – С. 392–400.
4. Батурина А. В. Особенности производства допроса с участием несовершеннолетних // Актуальные исследования. – 2024. – № 5 (187), ч. II. – С. 9–11.
5. Белоусова Е. А., Павлова П. В. Особенности участия несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном процессе // Молодой ученый. – 2026. – № 10 (613). – С. 229–233.
6. Ганага В. С., Стельмах В. Ю. Особенности и проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. – 2024. – Вып. 24. – С. 354–363.
7. Гужина А. Ю. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого: перспективы совершенствования законодательного регулирования // Молодой ученый. – 2025. – № 39 (590). – С. 159–161.
8. Кажанец А. И. Привлечение психолога в качестве участника допроса несовершеннолетних лиц в рамках уголовного процесса // Вопросы российской юстиции. – 2020. – С. 358–364.
9. Канева В. Ф., Тарасова Т. А., Устинов М. Ф. Актуальные проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Научный аспект. – 2024. – № 1.

10.Рогачева В. Н., Кожич И. С. Проблемные аспекты проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – С. 455–457.

11.Савельева Л. В. Участие педагога и психолога в уголовном процессе по делам в отношении несовершеннолетних // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7. – № 12. – С. 289–294. – DOI: 10.33619/2414-2948/73/39.

12 Салиндер Л. Т. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Молодой ученый. – 2023. – № 15 (462). – С. 241–243.

13.Стогова С. А. Особенности производства допроса несовершеннолетних // procuror.spb.ru. – 2025. – С. 1–8.

14.Тетюев С. В. Педагог (психолог) как участник уголовного судопроизводства в России и Молдавии: общее и особенное // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2024. – Т. 24. – № 2. – С. 63–75. – DOI: 10.14529/law240210.

15.Principles of Criminal Justice as Guiding Principles in the Protection of Human and Civil Rights and Freedoms / E. V. Tokareva, O. G. Chasovnikova, R. E. Egorova [et al.] // Revista GEINTEC. – 2021. – Vol. 11, No. 2. – P. 1162-1172. – DOI 10.47059/revistageintec.v11i2.1745. – EDN BZUXMZ.

16.О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 // Российская газета. – 2011. – 11 февр. – № 29(5405); Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4.

References:

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of 18 December 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.

2. Altukhova, E. S. The Need to Revise Approaches to Conducting Investigative Actions Involving Minors // *Young Scientist*. – 2025. – No. 13 (564). – P. 51–55.
3. Ashirbakiev, R. M. Participation of a Teacher and a Psychologist in the Interrogation of a Minor Suspect, Accused Person, or Defendant: Problems of Normative Regulation // *Issues of Russian Justice*. – 2023. – Issue 27. – P. 392–400.
4. Baturina, A. V. Features of Conducting Interrogations Involving Minors // *Actual Research*. – 2024. – No. 5 (187), Part II. – P. 9–11.
5. Belousova, E. A., Pavlova, P. V. Features of the Participation of Minor Witnesses and Victims in Criminal Proceedings // *Young Scientist*. – 2026. – No. 10 (613). – P. 229–233.
6. Ganaga, V. S., Stelmakh, V. Yu. Features and Problems of the Participation of a Teacher and a Psychologist in Criminal Proceedings // *Issues of Russian Justice*. – 2024. – Issue 24. – P. 354–363.
7. Guzhina, A. Yu. Interrogation of a Minor Accused: Prospects for Improving Legislative Regulation // *Young Scientist*. – 2025. – No. 39 (590). – P. 159–161.
8. Kazhanets, A. I. Involving a Psychologist as a Participant in the Interrogation of Minors within the Framework of Criminal Proceedings // *Issues of Russian Justice*. – 2020. – P. 358–364.
9. Kaneva, V. F., Tarasova, T. A., Ustinov, M. F. Current Problems of the Participation of a Teacher and a Psychologist in Criminal Proceedings // *Scientific Aspect*. – 2024. – No. 1.
10. Rogacheva, V. N., Kozhic, I. S. Problematic Aspects of Conducting an Interrogation of a Minor Suspect // *Young Scientist*. – 2022. – No. 49 (444). – P. 455–457.
11. Savelyeva, L. V. Participation of a Teacher and a Psychologist in Criminal Proceedings in Cases Involving Minors // *Bulletin of Science and Practice*. – 2021. – Vol. 7. – No. 12. – P. 289–294. – DOI: 10.33619/2414-2948/73/39.

12. Salinder, L. T. Proceedings in Criminal Cases Involving Minors // Young Scientist. – 2023. – No. 15 (462). – P. 241–243.
13. Stogova, S. A. Features of Conducting Interrogations of Minors // procuror.spb.ru. – 2025. – P. 1–8.
14. Tetyuev, S. V. A Teacher (Psychologist) as a Participant in Criminal Proceedings in Russia and Moldova: Common and Specific Features // Bulletin of South Ural State University. Series “Law”. – 2024. – Vol. 24. – No. 2. – P. 63–75. – DOI: 10.14529/law240210.
15. Tokareva, E. V., Chasovnikova, O. G., Egorova, R. E. [et al.]. Principles of Criminal Justice as Guiding Principles in the Protection of Human and Civil Rights and Freedoms // Revista GEINTEC. – 2021. – Vol. 11, No. 2. – P. 1162–1172. – DOI 10.47059/revistageintec.v11i2.1745. – EDN BZUXMZ.
16. On Judicial Practice in Applying Legislation Regulating the Peculiarities of Criminal Liability and Punishment of Minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of 1 February 2011 // Rossiyskaya Gazeta. – 2011. – 11 February. – No. 29(5405); Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2011. – No. 4.